

Прислушаемся, къ чему же зоветъ насъ сейчасъ голосъ разума. Настоящія событія, развернувшіяся передъ нами въ трепетѣ агоніи стараго, чрезвычайно показательны въ томъ, какъ мало чувства разума у тѣхъ, кто такъ ретиво сейчасъ кричитъ, выдвигая неразумные лозунги „Долой Временное Правительство“ „Да здравствуетъ Германія“ „Гибель буржуазія“ и прикрывая это мотивами свободы.

Я говорю вообще о тѣхъ, кто сейчасъ поднялъ знамя насилія, кто въ народѣ сѣетъ смуту, а государству пророчитъ гибель, кто въ такой трудный многострадальный моментъ, когда зарождается близость къ истинной свободѣ, такъ глупо отталкиваетъ ее отъ себя. Сейчасъ стараются добыть и укрѣпить свободу насиліемъ, забывая, что этимъ они вредятъ только себѣ и свободѣ. Если въ усадьбу помѣщика врывается банда крестьянъ и насиліемъ отнимаетъ землю, если въ арміи чуть не издѣваются надъ офицерскими погонами, если устраиваютъ вооруженныя манифестаціи, направленные противъ Временнаго Правительства, то на чьей, спрашивается, сторонѣ будетъ общественное мнѣніе?

И если оно не будетъ гремѣть обличительнымъ словомъ, такъ оно будетъ скрытно ползать, какъ змѣя, и своимъ шипѣньемъ заглушать приближающіеся голоса реакціи. Пора бы остановиться... Пора бы серьезно вдуматься въ то, что отечество на краю гибели, что мы съ каждымъ днемъ удаляемся отъ истины, и пурпурная заря свободы, такъ ярко запыхавшая вначалѣ, манящая насъ блаженствомъ неизвѣданнаго покоя мира и любви, все блѣднѣетъ и тускнѣетъ, а на горизонтѣ появляются уже маленькія, черныя, зловѣщія тучки...

Мысли и думы пастыря церкви о желательныхъ реформахъ въ области церк. богослуженія, устава и положенія о постахъ.

Разсмотрѣнію Всероссійскаго Церковнаго Собора между многими вопросами будетъ также предложенъ вопросъ о предметахъ вѣры. Что слѣдуетъ разумѣть подъ предметами вѣры? Можетъ быть, христіанскіе догматы? Но эта область христіанской религіи настолько основательно разработана, такъ тщательно изложена и обоснована на вселенскихъ и по-

мѣстныхъ соборахъ и въ самобытныхъ и неподражаемо образцовыхъ твореніяхъ св. отцовъ и учителей церкви, что частный соборъ не имѣетъ нужды, да пожалуй и достаточнаго авторитета что-либо измѣнять или дополнять. Затѣмъ церковная жизнь Россіи, требуя разнообразныхъ измѣненій и улучшеній, выдвигаетъ исключительно только такія стороны, которыя имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ догматамъ, не касаясь догматическихъ истинъ въ ихъ существенномъ содержаніи. Кромѣ всего этого взглядъ православнаго богословія (Еп. Сильвестръ т. 1) на догматы, какъ на истины богооткровенныя и неизмѣняемыя, связанныя съ святоотеческимъ воззрѣніемъ на церковь, только какъ на сокровищницу Апостольскаго преданія (Ириней), или охранительницу его, требуетъ отъ насъ не реформъ въ этой области, а только самого тщательнаго охраненія Христовыхъ истинъ и соглашенія нашей вѣры съ вѣрою Апостольскаго времени.

Однако, эта послѣдняя точка зрѣнія, исключаящая реформы въ области догматической и требующая лишь точнаго охраненія Апостольскаго преданія, обязываетъ Соборъ обратить серьезное вниманіе на слѣдующее немаловажное и печальное обстоятельство: православное пониманіе нѣкоторыхъ христіанскихъ догматовъ затемнилось въ сознаніи пастырей и чрезъ нихъ и въ паствѣ, благодаря господству въ нашей официальной богословской литературѣ и въ духовныхъ школахъ такихъ богословскихъ системъ, въ которыхъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ сказывается печальное наслѣдіе схоластики и недоброе вліяніе католическаго богословія. Это вліяніе, возникшее съ самаго зародыша у насъ въ Россіи богословской науки, дошло и до насъ и сказывается въ такомъ извѣстномъ и несомнѣнно капитальномъ сочиненіи, какъ Догматическое Богословіе М. Макарія. Этотъ трудъ доселѣ считается наилучшимъ и совершеннѣйшимъ изложеніемъ христіанскаго вѣроученія; онъ нѣсколько десятилѣтій Господствуетъ въ нашей духовной школѣ въ качествѣ учебника, подъ его вліяніемъ воспитались цѣлыя поколѣнія пастырей и архипастырей, подъ его же вліяніемъ, конечно, создавалась и проповѣдь всѣхъ питомцевъ духовныхъ школъ; однако же въ этомъ сочиненіи центральный христіанскій догматъ объ искупленіи излагается такими чертами, что напоминаютъ скорѣе юридическую теорію искупленія Анзельма и Тома Аквината, чѣмъ православное ученіе объ этомъ догматѣ, или въ отдѣлѣ о таинствахъ удѣляется исключительное вниманіе объективной сторонѣ таинства .

и, при умалчиваніи о внутренней сторонѣ ея—вліяніи на грѣшника, получается впечатлѣніе отъ тайнства, какъ католическаго *opus operato*. Слѣдуетъ—подъ авторитетнымъ именемъ Собора издать для руководства всѣхъ вѣрующихъ изложеніе вѣры съ отчетливымъ и неподлежащимъ перетолкованіямъ выраженіемъ догматическихъ истинъ на строго святоотеческой почвѣ. Благодаря этому постепенно могло бы проясняться православное сознаніе русскаго человѣка и чрезъ это сами собою могли бы отпадать тѣ нареканія на ученіе нашей церкви, какія встрѣчаются нерѣдко со стороны разныхъ невѣрующихъ критиковъ.

Православная церковь, твердо оберегая неприкосновенность христіанскихъ догматовъ, послѣ появленія раскола тотъ же самый принципъ неприкосновенности практически стала примѣнять и къ внѣшнему выраженію ихъ—обрядовой сторонѣ. Въ теченіе почти 2¹/₂ вѣковъ въ нашей церкви сложившаяся форма, эта внѣшняя оболочка догматической истины, не подвергается официально никакому исправленію и усовершенствованію. Зависитъ ли это отъ недостатка въ нашей церкви соборной жизни, совершенно прекратившейся съ учрежденіемъ Св. Синода и Духовныхъ Консисторій, или же обусловливается вѣчной напряженной боязнью, какъ бы еще болѣе не озлобить раскольниковъ, или не вызвать новаго раскола въ церкви, вопросъ въ данномъ случаѣ второстепенный. Здѣсь важно лишь замѣтить, что наша церковь въ лицѣ своихъ представителей, отказываясь отъ улучшеній и реформъ богослужебно-обрядоваго уклада, отказывалась отъ своего кореннаго права и прямой обязанности—исправлять и улучшать внѣшнюю сторону церковной жизни. Въ Христовой церкви только догматы абсолютно неизмѣнны;—поэтому если церковь однажды уяснила себѣ изъ Божественнаго Откровенія, что І. Христосъ есть истинный Богъ, или что послѣ всеобщаго суда наступитъ вѣчная жизнь, то измѣнить эти вѣрованія она не можетъ во вѣки вѣковъ: это будетъ измѣна Христовой истины. Но внѣшняя обрядовая сторона постоянно измѣнялась, совершенствовалась, дополнялась; создавались разные чины литургій, вводились новыя чинопослѣдованія, на соборахъ создавались многочисленные правила о постахъ, о богослуженіи, о церковной дисциплинѣ, исправлялись и переводились богослужебныя книги; самый поверхностный взглядъ на исторію святой церкви показываетъ, что реформаторская и созидательная дѣятельность церкви въ отношеніи обрядовой стороны никогда не прекращалась и въ нашей церкви до самой половины

17 вѣка была въ полномъ разцвѣтѣ. Да и можетъ ли быть иначе?

Церковь, получившая отъ своего Пастыреначальника власть приводить всякаго вѣрующаго „въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова“, никогда не теряетъ своихъ правъ и въ вѣчныя времена должна совершать свое великое дѣло на землѣ посредствомъ таинствъ, богослуженія, обрядовъ, символическихъ дѣйствій, проповѣди, вводя въ жизнь какъ цѣлыхъ царствъ и народовъ, такъ и отдѣльныхъ личностей святыхъ и высокія начала Христова ученія. Но охраняя вѣру Христову, церковь не можетъ всегда держаться одной и той же формы; форма постольку имѣетъ цѣнность, поскольку она является наилучшимъ выраженіемъ внутренняго содержанія, наилучшимъ проводникомъ Христовой истины въ жизнь челоуѣчества; а чтобы быть таковою, формы должны совершенствоваться, исправляться, дополняться и даже замѣняться, какъ и умственный и нравственный уровень народовъ и отдѣльныхъ личностей. Измѣняя форму, церковь не совершаетъ какого-либо недостойнаго угодичества вкусамъ народа, отмѣняя ранѣе постановленное, она не отрекается отъ себя, — нѣтъ, измѣняя и совершенствуя внѣшнюю оболочку Христова ученія, она является доброю благопопечительною матерію, мудрою воспитательницею, избирающей лучшія средства для христіанскаго усовершенствованія своихъ чадъ; напротивъ, тамъ, гдѣ форма объявляется неизмѣнною и ревниво охраняется и поддерживается, хотя ея никто уже не понимаетъ, ей никто уже не слѣдуетъ, — тамъ существенная сторона — само Христово ученіе — устранивается на задній планъ и на мѣсто ея выдвигается форма, она господствуетъ надъ всѣмъ, исполненіе ея регламентируется и нарушеніе ея наказывается, хотя бы за исполненіемъ формы отсутствовало совершенно внутреннее содержаніе, хотя бы форма давно превратилась въ мертвый звукъ и, сдѣлавшись непонятной, перестала бы служить проводникомъ Христова ученія. Если форма требуетъ прочтенія двухъ каѳизмъ, то защитникъ ея будетъ настаивать чтобы онѣ были прочитаны сполна, хотя бы слушающіе почти уже не понимали богослужебнаго славянскаго языка и во время чтенія каѳизмъ принуждены были скучать, Если форма требуетъ призывать къ утреннему богослуженію рано утромъ, то защитникъ формы будетъ настаивать чтобы утренняя служба совершалась именно раннимъ утромъ, несмотря на то, что на благостный утренній призывъ святой Матери церкви не откликаются даже ея пастыри, мирно почивая, когда въ храмѣ совершается божественная служба.

Къ великому сожалѣнію, форма сковала церковно-богослужебную жизнь въ нашей церкви; принятое и установленное нѣсколько вѣковъ тому назадъ не подвергается ни измѣненіямъ, ни усовершенствованіямъ; многое въ нашемъ богослуженіи сдѣлалось совершенно непонятнымъ, многое совершенно не приспособленнымъ къ запросамъ и условіямъ жизни христіанъ, многое имѣетъ только историческое значеніе; церковное богослуженіе, церковный укладъ утрачиваетъ великое значеніе проводниковъ Христовой истины, не проясляетъ христіанское сознаніе, а только загромождаетъ его.

Предстоящему помѣстному Собору изъ многого, нуждающагося въ измѣненіи и усовершенствованіи, необходимо обратить вниманіе преимущественно на слѣдующіе вопросы.

Существеннымъ, давно назрѣвшимъ вопросомъ является вопросъ о языкѣ церковно-богослужебныхъ книгъ, который во многихъ своихъ частяхъ является совершенно устарѣвшимъ и совершенно непонятнымъ даже образованнымъ вѣрующимъ христіанамъ, не говоря уже о простецкахъ. Если православному богослуженію во всемъ его составѣ принадлежитъ великое дѣло воспитанія въ христіанскомъ духѣ вѣрующихъ чада церкви, то изъ всего этого состава первое мѣсто необходимо должно быть удѣлено церковно-богослужебному *слову*, тѣмъ чтеніямъ и молитвамъ, стихирамъ и канонамъ, которыя составляютъ подавляющій элементъ въ церковномъ богослуженіи. Въ этихъ твореніяхъ частію богодухновеннаго, частію богопросвѣщеннаго слова человѣческаго для вѣрующаго христіанина раскрывается величайшее дѣло домостроительства спасенія заслугами Христа Спасителя, излагаются догматическія и нравственныя истины Христова ученія, изображается жизнь Господа нашего, Пречистой Его Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ, прославляются ихъ подвиги, раскрывается содержаніе праздниковъ; и вотъ все это богатство духовное, способное зажигать сердце наше и возбуждать къ духовнымъ подвигамъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ дѣлается все менѣе и менѣе понятнымъ и доступнымъ вѣрующему христіанину; нашъ обыденный языкъ, на которомъ мы разговариваемъ, на которомъ мы читаемъ книги, газеты, постепенно развиваясь и измѣняясь, все болѣе и болѣе удаляется отъ того славянскаго языка, на которомъ вотъ уже восемь вѣковъ совершается божественная служба; количество непонятныхъ словъ и оборотовъ все болѣе и болѣе увеличивается; добросовѣст-

ные пастыри проповѣдники непроизводительно тратятъ не мало времени на объясненіе непонятнаго вмѣсто того, чтобы прямо излагать Христово ученіе,—учителя въ школахъ тратятъ драгоценное время на переводъ и объясненіе трудныхъ славянскихъ выраженій,—а славянскій языкъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становится все таинственнѣе и непонятнѣе, постепенно выростая въ какую то непроходимую стѣну между нашимъ пониманіемъ и содержаніемъ богослуженія.

Не постыдимся признаться, что многое въ богослуженіи даже для лицъ богословски образованныхъ сдѣлалось совершенно непонятнымъ и слышимое въ церкви оставляетъ въ душѣ чувство неудовлетворенности и даже пустоту. Кто изъ насъ безъ справки съ греческимъ текстомъ или русскимъ переводомъ можетъ сразу понять слѣдующія мѣста, читаемая при богослуженіи: девятый ирмосъ канона Великаго четвертка:—„Странствія владычня и безсмертныя трапезы на горнемъ мѣстѣ, высокими умы, вѣрніи, прїидите насладимся, восшедша слово отъ слова научившеса, его же величаемъ“, или девятый ирмосъ второго канона Рождества Христова: „Любити убо намъ яко безбѣдное страхомъ удобѣе молчаніе: любовію же дѣво пѣсни ткати спротяженно сложенныя неудобно есть; но и мати силу елико есть произволеніе даждь“, или изъ антифоновъ 3 гласа: „въ югъ сѣющіи слезами божественными, жнутъ класа радостію присноживотія“ и далѣе: „плода чревна Духомъ сынотворенное тебѣ Христу, Его же и Отцу, святія всегда суть“. А развѣ кто изъ рядовыхъ молящихся понимаетъ хотя бы слѣдующія выраженія изъ псалмовъ, читаемыхъ на повседневномъ богослуженіи: „еродіево жилище предводительствуетъ ими“—„пострадахъ и слякохся до конца... лядвія моя наполнишася поруганій“, „яко азъ на раны готовъ и болѣзнь моя предо мною есть выну“, „гоняхъ благостыню“ и многія другія. Мы привели нѣсколько примѣровъ пѣснопѣній и отдѣльныхъ выраженій, требующихъ для своего разрѣшенія филологическихъ справокъ и доступныхъ для пониманія во всей своей ясности только чловѣку богословски образованному. А какое множество славянскихъ словъ и выраженій, съ которыми сроднилось наше ухо, однако являются туманными и даже непонятными для простого необразованнаго вѣрующаго, однако не менѣе насъ жаждущаго насладиться неисчерпаемыми красотамя церковно-богослужебныхъ молитвъ и пѣснопѣній и тщетно напрягающаго свой умъ, чтобы вполнѣ понять мало понятное: довольно объе-

мистые словари церковно-богослужебныхъ терминовъ, конечно, имъ недоступны. Такимъ образомъ языкъ богослужебныхъ книгъ, не исправляемый уже нѣсколько столѣтій, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе дѣлается непонятнымъ и недоступнымъ и первая причина этому—обиліе устарѣвшихъ словъ и выраженій. Но есть другая причина указаннаго обстоятельства. Каждый, кто когда-нибудь сличалъ текстъ церковныхъ пѣснопѣній на греческомъ языкѣ съ текстомъ на славянскомъ языкѣ, конечно, замѣчалъ, что расположеніе словъ въ славянскомъ текстѣ совершенно тождественное съ греческимъ текстомъ, переводчикъ переводилъ слово за словомъ въ совершенно томъ же порядкѣ. Могло это происходить отъ разныхъ причинъ: или отъ благоговѣйнаго отношенія къ оригиналу, или изъ желанія гарантировать текстъ отъ неточностей, возможныхъ при свободномъ переложеніи, или изъ стремленія и въ славянскомъ текстѣ сохранить стихотворную форму греческаго текста, или наконецъ, осмѣлимся предполагать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отъ недостаточной филологической опытности переводчиковъ, для которыхъ было конечно гораздо легче переводить слово за словомъ, чѣмъ вникать сначала въ содержаніе стиха на греческомъ языкѣ и выработать затѣмъ достойное его выраженіе славянское, — какое-бы объясненіе мы не приняли, справедливость однако требуетъ сказать, что каждый языкъ имѣетъ свой оригинальный сѣладъ рѣчи, свои обороты, свое расположеніе словъ, и то, что на греческомъ языкѣ, можетъ быть, составляетъ перлъ поэзіи, въ славянскомъ является соединеніемъ словъ, въ которомъ трудно разобраться; возьмемъ для примѣра хотя бы приведенный стихъ изъ службы на Рождество Христово: „любите убо намъ“, и увидимъ, что главной причиной поразительной неясности этого церковнаго пѣснопѣнія является именно его буквальный — слово за словомъ — переводъ съ греческаго. Взглядъ на полную неприкосновенность церковно-богослужебнаго текста или точнѣе славянскаго перевода этого текста постепенно укоренился въ русской церкви въ послѣдніе 2 столѣтія, съ того времени, когда ближайшимъ слѣдствіемъ исправленія церковныхъ книгъ въ $\frac{1}{2}$ 17 столѣтія, предпринятаго патриархомъ Никономъ, было появленіе раскола, этого дѣйствительно печальнаго и болѣзненнаго явленія въ нашей исторіи. Опасаясь новаго раскола, духовная власть съ тѣхъ поръ не предпринимала исправленія книгъ и если въ послѣднее время помѣщала на поляхъ переводъ дѣйствительно уже неудобныхъ

словъ и выражений, напр.: „отыми отъ мене поносъ и уничиженіе... яко непостоянно великолѣпіе славы твоея“, удобными и понятными, то съ оговоркой: читать, какъ напечатано въ текстѣ. Между тѣмъ исправленіе книгъ не составляетъ чего-либо чуждаго практикѣ нашей церкви. По свидѣтельству проф. Знаменскаго (33 стр.), богослужебныя книги были принесены къ намъ изъ Болгаріи, которая, будучи просвѣщена св. вѣрою раньше Россіи, по своему родственному русскому языку и славянской письменности, сдѣлалась естественною и лучшею посредницею между греками и русскими (10 стр.) и употреблялись сначала въ болгарскомъ переводѣ; въ самой Россіи стали переводить ихъ во времена Ярослава (въ половинѣ 11 вѣка). Въ послѣдующее время, всякій разъ, когда въ книгахъ накапливались погрѣшности, большею частію отъ неопытности или невѣжества переписчиковъ, представители церковной власти производили исправленіе. Такъ, митр. Алексій самъ переводилъ и исправлялъ съ греческаго весь новый завѣтъ (Зн. 87). М. Кипріанъ и М. Фотій исправляли богослужебныя книги (тамъ же). Максимъ Грекъ въ началѣ 16 столѣтія и Стоглавъ являются показателями заботъ церковной власти въ этомъ направленіи. Въ періодъ патріаршей исправленіе книгъ было дѣломъ обычнымъ; оно производилось въ довольно широкихъ размѣрахъ при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іосифѣ и особенно при патріархѣ Никонѣ, при чемъ дѣло поручалось людямъ выдающимся и производилось послѣ тщательнаго ознакомленія переводчиковъ съ греческими рукописями. Почему же церковная власть не предпринимаетъ послѣ патріарха Никона новаго исправленія и перевода богослужебныхъ книгъ? Боится раскольниковъ? Но боясь раскольниковъ, не рискуетъ ли она лишить много милліоновъ своихъ вѣрныхъ чадъ благодѣтельнаго и просвѣтительнаго вліянія словъ церковной молитвы, — не беретъ ли на себя значительную долю вины въ отчужденіи отъ церкви интеллигенціи, которая, не понимая многого въ церкви, скучаетъ въ ней и бѣжитъ отъ нея? Вотъ почему существенную и самую необходимую задачу предстоящаго Собора составляетъ вопросъ о переводѣ и исправленіи священныхъ книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи, на самыхъ широкихъ началахъ.

Если бы не имѣть въ виду различныя практическія соображенія, то самымъ лучшимъ было бы перевести книги на русскій языкъ; вѣдь святые Кириллъ и Меѳодій потому и заслуживаютъ особенной благодарной

памяти въ славянскомъ мірѣ, что перевели священныя книги именно для славянъ на славянскій языкъ; миссіонеры, приводя ко Христовой церкви инородцевъ магометанъ, калмыковъ, чувашъ, переводятъ книги богослужебныя на ихъ нарѣчія; по тѣмъ же самымъ побужденіямъ—сдѣлать текстъ священныхъ книгъ совершенно понятнымъ для вѣрующаго русскаго человѣка—идеаломъ исправленія можетъ служить переводъ на русскій языкъ. Но славянскій языкъ окруженъ ореоломъ древности, съ нимъ сжилось наше богослуженіе, поэтому такая капитальная перемѣна произвела бы сильный переполохъ и едва ли бы осталась безъ послѣдствій; осуществленіе такой реформы не подъ силу одному Собору, она можетъ быть проведена медленно усиліями цѣлаго ряда соборовъ. Для настоящаго времени желательнѣе произвести исправленіе книгъ, но на широкихъ началахъ. Переводчики должны тщательно ознакомиться съ греческимъ текстомъ церковныхъ молитвословій и исправлять согласно этому тексту; всѣ непонятныя выраженія, слова, обороты замѣнить, по возможности славянскими же, но доступными пониманію каждаго, для чего взять въ образецъ хотя бы переводъ на новославянское нарѣчіе псалтыри Епископа Амфилохія; при переводѣ избѣгать буквальнаго слѣдованія конструкции греческаго языка, перевода слова за словомъ, а переводить свободно, сообразуясь съ законами русской рѣчи и заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы сохранить мысль и по возможности стихотворный размѣръ подлинника, исправленныя книги вводить постепенно и сначала только нѣкоторыя, напр. евангеліе, псалтырь.

Исправленіемъ церковно-богослужебнаго текста православное богослуженіе приблизится къ пониманію вѣрующаго и, благодаря этому, будетъ несомнѣнно производить на него гораздо болѣе неотразимое впечатлѣніе и плѣнять Христу. Но есть еще причины, не столь существенныя, какъ первая, но однако настолько важныя, что устраненіе ихъ подъ силу только Собору, какъ выразителю голоса всей церкви: сюда относятся прежде всего *проповѣдь*. Важною частью въ богослуженіи является проповѣдь, составляющая существенную обязанность пастырей церкви. Господь, посылая Апостоловъ на проповѣдь, завѣщалъ имъ учить всѣ языки (Мѡ. XXVIII. 19), проповѣдывать Евангеліе всей твари (Маркъ XVI. 15); это же внушаетъ и св. Ап. Павелъ своему ученику Тимоѳею и Титу (1, Тим. VI. 20; Тит. II. 1.13); 58 правило св. Апостоловъ предастъ отлученію Епископа или пресвитера, который нерадитъ о при-

чтѣ и о людяхъ и не учить ихъ благочестію. Примѣры ревностнѣйшихъ пастырей древнѣйшихъ—І. Златоуста, Григорія Богослова и новѣйшихъ М. Платона, Филарета, Иннокентія, Дим., Х., Никанора, Амвросія, Макарія, прот. Нордова, Путятина, и множества другихъ показываютъ взглядъ пастырей на проповѣдничество, какъ на дѣло первостепенной важности. Дѣйствительно, благодаря проповѣди наилучшимъ образомъ проясняется христіанское сознаніе, запечатлѣваются догматы вѣры, объясняются символы богослужебные, разсѣваются суевѣрія; надлежащая постановка проповѣди и богослуженія является могучимъ средствомъ борьбы съ расколомъ и сектантствомъ. Но это великое и святое дѣло въ нашей святой церкви находится, замѣтно, не на надлежащей высотѣ, если не сказать, что въ упадкѣ. Среди пастырей укоренился взглядъ на проповѣдь, какъ на не существенное и даже обременительное дѣло, затягивающее службу и не приносящее очевидной пользы, обременительное и для прихожанъ; печально то, что не только получившіе среднее богословское образованіе, но даже и окончившіе академію избѣгаютъ говорить проповѣди и сводятъ свою пастырскую дѣятельность только къ службѣ и требосправленію. Въ лучшемъ случаѣ если и говорятся проповѣди, то по сборникамъ, часто весьма неудачно составленнымъ, или же сильно устарѣвшимъ, иногда монотонно, торопливо и безучастно. А гдѣ въ наши времена раздается живое слово, свободная импровизація, воодушевленная пастырскою ревностью и любовью къ прихожанамъ, составленная примѣнительно къ нуждамъ слушателей? Это явленіе чрезвычайно рѣдкое; между тѣмъ только живое слово, импровизація способна установить связь между проповѣдникомъ и слушателями, такъ необходимую для благотворнаго вліянія проповѣди. Кромѣ того, если прежде могло удовлетворять чтеніе печатныхъ поученій, то въ настоящее время, когда, съ развитіемъ общественной жизни и дарованіемъ свободы слова, живое слово о разныхъ, житейскихъ предметахъ приходится слышать все чаще и чаще, такое чтеніе съ церковной кафедры уже многихъ не можетъ удовлетворять. Но до сего времени живая проповѣдь считается дѣломъ необыкновенно труднымъ, непосильнымъ. Гдѣ причины этого? Главнѣйшая причина—жалкая постановка проповѣдничества въ нашихъ семинаріяхъ, гдѣ знакомятъ учениковъ съ разными тонкостями теоріи проповѣдничества по учебнику, разбираются сухо-механически образцы проповѣдей, но гдѣ мало удѣляютъ вниманія развитію присущаго каждому изъ насъ дара излагать свои мысли живо, отчетливо, не по опредѣленному трафарету, но свободно. При предстоя-

шей реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на постановку гомилетики въ семинаріи, чтобы она, удѣляя лишь самое малое вниманіе теоріи, стремилась развить въ будущихъ пастыряхъ искусство краснорѣчиво и свободно излагать предъ слушателями истины христіанской вѣры и нравственности. Но проповѣдь встрѣчаетъ непреодолимые препятствія для своего развитія въ крайне стѣснительныхъ цензурныхъ условіяхъ. Несмотря на то, что проповѣдь Слова Божія составляетъ существеннѣйшую обязанность пастыря, какъ и священнослуженіе, слѣдовательно, получившій санъ священника долженъ по идеѣ своего сана быть вполне подготовленнымъ къ этой дѣятельности, послѣдняя подвергается опекѣ цензуры, которая парализуетъ охоту къ проповѣди и заставляеть относиться къ ней только формально, какъ къ тяжелой обязанности. Цензура проповѣди заставляеть каждое хотя и маленькое поученіе изложить на бумагѣ, оформить, округлить, а нѣкоторыхъ вѣроятно по неволѣ и человѣческой слабости стараться угодить вкусамъ цензора; иной любитъ больше текстовъ, другому нравятся живые примѣры, у третьяго еще какія-нибудь особые требованія; изложенное на бумагѣ обязательно теряетъ въ своей силѣ и не имѣетъ того обаянія, какъ сказанное въ данной моментъ наибольшаго возбужденія пастырской ревности. Необходимо оказать большее довѣріе пастырямъ и не подозрѣвать въ человѣкѣ, облеченномъ такимъ высококомъ саномъ, получившемъ и специальное образованіе и благодать священства, недобросовѣстности, сознательнаго обмана при исполненіи своей коренной обязанности.

Предстоящему Собору необходимо объявить свободу пастыря въ дѣлѣ проповѣди, какъ онъ долженъ быть свободенъ въ своей пастырской молитвѣ; отъ случайныхъ (о намѣренныхъ не можетъ быть рѣчи) ошибокъ предохранить его благодать хиротоніи и слушающая его паства; но за то возгорится въ немъ, при сознаніи свободы, его пастырская энергія, оживится его проповѣдь, и пастыри будутъ говорить поученія по сознанію своего пастырскаго долга, а не для только отчетности предъ общаго числа произнесенныхъ проповѣдей, что, къ нашему счастью, кажется уже и бываетъ на практикѣ.

(Окончаніе будетъ).

Ректоръ Семинаріи, прот. *Н. Лютницкій.*

